



Марина Эльденберт



ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ПЛАМЯ В ТВОИХ РУКАХ
ПОЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБЕСА В ОГНЕ
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ В НЕБО
ТАНЦУЮЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА. НЕБО ДЛЯ ДВОИХ

ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА

МЯТЕЖНИЦА

СКРЫТЫЕ ЧУВСТВА

ЗАКЛЯТАЯ НЕВЕСТА

ЛЮБОВНИЦА ПОНЕВОЛЕ

ЗАПРЕТНАЯ МАГИЯ

В соавторстве с Валерией Черновановой

МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ АЛМАЗНЫЙ КОРОЛЬ И Я
МЕЖМИРОВАЯ НЯНЯ, ИЛИ ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОРОЛЯ



ГЛАВА 1

Алисия

— Жуткая пьеса!

— Жуткая?!

— Просто кошмарная! — Антрепренер потряс у меня перед носом листами, которые грозили вот-вот разлететься.

— И чем же, с вашего позволения, она кошмарная?!

— Всем! Решительно всем! Например, главная героиня водит мобилъез.

— Это так страшно?

— Ужасно! — возопил мужчина. — Нам и без того хватает этих... воинственно настроенных барышень, чтобы еще пускать их в современное искусство!

— То есть, по-вашему, женщина должна сидеть дома и вышивать?

— По-моему, да! В любом случае, дражайшая, я больше не намерен вести с вами эти беседы. Вы и без того отняли у меня уйму времени. Поэтому... вот! — Он гроыхнул рукописью об стол. — Никуда не годится!

Стоит ли говорить, что этими словами он перечеркнул год моей работы? Не только он, между прочим. Это был уже пятый столичный театр, в котором мне отказывали. И последний, куда я предлагала свою пьесу.

Один их самых известных, которой я оставила напоследок и надеялась на прогрессивность руководства. С тех пор как его величество подписал указ, что женщины

могут наравне с мужчинами претендовать на некоторые должности и писать (в том числе и для разного рода постановок), многие до сих пор не могли этого принять. Многие, но в столичных театрах я рассчитывала найти понимание.

Видимо, зря.

Но это не значит, что я так просто сдамся!

— Хорошо, — с милой улыбкой сказала я, собирая все-таки разлетевшиеся по столу листы.

Для этого мне пришлось наклониться, и взгляд антрепренера в ту же минуту прочно прилип к моему декольте. Я чувствовала это уже на уровне инстинктов, поскольку чаще всего именно туда мужские взгляды и проникали. Природа щедро наградила меня ярким цветом волос и пышной грудью, которая притягивала взгляд, даже будучи плотно запечатанной глухой тканью. Что касается меня, я никогда не старалась ничем ее запечатать, игнорируя матушкины причитания на тему, что это бессовестно — выставлять такие формы на всеобщее обозрение.

А я, между прочим, ничего нарочно не выставляла. Точно так же, как и не собиралась прятать. И это касается абсолютно всего!

— Мм... эри Армсвальд...

— Армсвилл, — поправила я, выпрямляясь и прижимая к груди свою пьесу.

Теперь взгляд антрепренера прилип к пьесе, странно, что она дымиться не начала.

— Да-да, эри Армсвилл. Мой вам совет — оставьте вы эту драматургию. Подумайте лучше о достойном мужчине рядом. — Он даже плечи расправил, явно намекая на то, что достоин конкретно он, несмотря на обручальный браслет на запястье. — Устройтесь в столице, будет у вас милый домик и, возможно, собачка...

Намек был настолько прозрачный, что я подавила желание треснуть его пьесой по сверкающей лысине.

— Собака!

— Что? — У него округлились глаза.

— Собака, — повторила я. — Уменьшительно-ласкательные превращают мужчину в мальчика.

Антрепренер побагровел.

— Вон! — весьма театрально произнес он и для верности вскинул руку. Получилось очень пафосно, но этого ему показалось мало. — Вы, видимо, считаете, что ваша пьеса — верх гениальности! Но это всего лишь женская писулька, на которую не польстится ни один уважающий себя постановщик и ни один серьезный антрепренер.

— Ошибаетесь! — Я шагнула вперед так резко, что стихия вокруг пришла в движение. Это я скорее почувствовала: у нас в роду были воздушники, управляли ветрами, должно быть, от них мне и досталось это умение — тонко чувствовать колебания воздушных потоков даже на другом конце комнаты. Впрочем, это было единственное, что мне досталось, потому что магии во мне не было ни капли. — В течение полугода мою пьесу поставит Мориц Ларр¹, а вы будете жалеть об этом всю оставшуюся жизнь!

Оставив антрепренера с открытым ртом, я вылетела из кабинета в приемную, где секретарь с тонкими, напоминающими ниточку усиками тут же подскочил.

— Прошу вас, эри! — произнес он, подхватив мое пальто со старой вешалки, грозящей вот-вот завалиться набок, и набрасывая его мне на плечи.

— Благодарю!

После душного помещения весенняя оттепель окатила промозглой сыростью. Будучи южанкой, я привыкла к тому, что в это время у нас все цветет, в столице же только-только сошел снег, обнажая щербатые камни мостовых и серые, потертые после суровой зимы стены. Небо не расщедрилось даже на пару солнечных лучиков, зато от души разбросало повсюду глубокие лужи, через которые горожанам приходилось виртуозно прыгать. И мне вмес-

¹ Самый известный постановщик современности. Его пьесы неизменно отправляются в мировое турне и собирают аншлаги. — *Здесь и далее примеч. авт.*

те с ними: моя короткая поездка подходила к концу, поэтому денег на магический общественный транспорт совсем не осталось. Что уж говорить о конном частном извозе: словно чувствуя, что их дело доживает последние дни — после изобретения Марджем Каэльским универсальной магсхемы для движения любой повозки, — цены они драли такие, что проще было ходить пешком.

— Новая постановка! — Словно издеваясь, мальчишка-газетчик вскинул руку совсем рядом со мной. — Мариан Море и Лючия Альхэйм в главных ролях! «Корона д'Артур»! Главное событие года!

В голове у меня что-то щелкнуло.

«Корона д'Артур» — главный театр столицы, расположен он в самом центре, неподалеку от площади Пяти львов. Чтобы туда попасть, мне действительно придется нанять экипаж и остаться с шестью галлирами в кармане, но... А что я, собственно, теряю?!

— Газету! — крикнула я, вручая мальчишке монету, которую он немедленно сунул в карман поношенного пальто, а взамен вручил мне листок. Я примостила его поверх пьесы, которую прижимала к груди, и подняла руку: — Экипаж!

— Эрн Гайтон будет завтра. Но не думаю, что до завтра у него получится просмотреть вашу пьесу.

Секретарь — девушка (что, несомненно, внушало надежду) с туго стянутыми в пучок светлыми волосами и в накрахмаленном платье, из-под подола которого выглядывали аккуратные туфельки на низком каблуке, внимательно на меня посмотрела.

— Когда я могу ожидать решения?

Она заглянула в записи.

— Три... Нет, пожалуй, четыре дня. Хотя... Эри Армвилл, предлагаю договориться так. Чтобы вам не приезжать сюда лишний раз, оставьте свой адрес. Я отправлю к

вам посыльного, как только будет принято решение. Хорошо?

Мне захотелось ее обнять. Честно говоря, после встреч, на которых от меня либо откровенно хотели избавиться, либо вовсе не принимали всерьез (а чаще и первое и второе), секретарь антрепренера в лучшем театре королевства вела себя так, как... как в общем-то и должны себя вести цивилизованные люди.

— Благодарю, эри...

— Люмец. — Она улыбнулась. — Я обязательно передам вашу пьесу и буду рада, если вы к нам заглянете еще не один раз как перспективный драматург.

Бывают же хорошие люди! Я поблагодарила и, оставив записку с адресом, тепло попрощалась с девушкой. Оказавшись за дверью, закусила губу и с трудом удержалась от того, чтобы не захлопать в ладоши.

Стоило ли обивать пороги театров, где на меня даже как на человека не смотрели, чтобы найти понимание в «Корона д'Артур»?! Впрочем, до понимания было еще далеко, но общение с эри Люмец вселяло надежду. Равно как надежду вселяло и то, что антрепренер взял на работу женщину. По мнению большинства мужчин, секретарь — исключительно мужская профессия, потому что здесь «нужна внимательность и хорошая память». А еще каллиграфический почерк и твердая рука. Каллиграфический почерк без твердой руки почему-то достаточным навыком не считался.

Как бы там ни было, антрепренер «Корона д'Артур» лишен всех этих предрассудков, а значит, у меня есть шанс! Настоящий шанс, что будут смотреть на мою пьесу, а не на то, что я женщина.

Исполненная самых чудесных надежд, я вышла из театра и с наслаждением вдохнула напоенный весенней свежестью воздух. Во второй половине дня по-прежнему не распогодилось, но то ли стало теплее внутри, то ли все-та-

ки разогрело, потому что сейчас мне даже не хотелось запахнуть пальто.

Я осмотрелась и решила прогуляться до площади Пяти львов. В конце концов, в гостинице мне особо нечего делать, а учитывая тот факт, что придется задержаться в столице еще на три-четыре дня (непозволительная для меня роскошь), обед у меня сегодня все равно отменяется. Ну, да и ничего, будет ужин.

В конце концов, как говорит матушка, пропустить обед — поберечь фигуру!

— Прошу прощения, — остановила я женщину с усталым лицом, за юбку которой цеплялась малышка. — Подскажите, пожалуйста, как быстрее выйти на площадь?

Она хмуро взглянула на меня, но все-таки указала в сторону убегающей вправо маленькой улочки.

— Минут пятнадцать ходу. Театр обогнете, выйдете на улицу Гловеля. Дойдете до конца квартала — увидите арку.

— Благодарю!

Арка! Арка, через которую в свое время в Барельвицу вступил Даргейн Завоеватель. Образно говоря, столица началась именно отсюда. Настроение у меня сейчас было самое солнечное: ведь если получится устроить свою пьесу в «Корона д'Артур», возможно, получится переехать в столицу! Нет, я безумно любила свой маленький город, где по утрам в окна врвался шум Южного моря, но это же Барельвица! Здесь я смогу писать и представлять свои пьесы лично, как делаю это сейчас. А еще присутствовать на премьерах! А еще...

— Эри! — Спешащий куда-то мужчина приподнял котелок, извиняясь — чтобы пройти по узенькой улочке ему пришлось меня потеснить.

Здесь, в центре, все улочки такие, исключение составляет разве что площадь перед «Корона д'Артур», но оно и понятно. Хотела бы я посмотреть, как к вечернему представлению съезжается весь свет Барельвицы. Эри и эри-

ны в роскошных платьях и эрны во фраках. Как из распахнутых настежь дверей льется свет, позолотой стекая по гербам на каретах. Как, возможно, с подножки одной из них спускается его величество Гориан Третий.

Театр — королевское развлечение.

Так всегда говорила матушка. Меня же с самого детства неумолимо тянуло к театру с неудержимой силой. Возможно, именно поэтому я и решилась написать пьесу серьезно. Кипы «несерьезного» покоились в моем шкафу, в доме родительницы, и занимали больше полка, чем моя одежда. Одно время у меня все пальцы были синие от чернил (потому что к занятиям в школе для девочек и урокам добавлялись мои вечерние посиделки над пьесами), а однажды я даже натерла пером мозоль, которая не сходила два года.

Вдалеке виднелся купол Истрийского собора, в солнечный день, должно быть, сияющий так, что глазам больно. Я ускорила шаг, улочка увела меня влево и... передо мной вырос высокий решетчатый забор.

Хм. Наверное, где-то не туда свернула.

Да, точно, была какая-то развилка, кажется, вон за тем зеленым особняком. Я вернулась назад, шагнула в другой уличный коридор, который оглушил криками торговцев и сквозь рынок и короткий перешеек лавочек вывел на набережную. Здесь было так же шумно: современные мобильезы, гудки клаксонов и ругань конных извозчиков, шум заряженных магией двигателей и скрежет колес экипажей. Сплошной поток транспорта двигался по мостовой, почти полностью перекрывая виды на чугунный парапет и реку.

Арки поблизости не наблюдалось, и я огляделась в поисках того, у кого бы снова спросить дорогу.

— Ма-а-ам! Мама! Это же его светлость Барельвийский?!

— Тихо!

Я обернулась сначала на худенького мальчика, вытянувшего руку, и только потом увидела мужчину. Он спускался по ступеням, зажатым между колоннами, совсем рядом с нами. Всем своим видом излучая уверенность и силу. Честно говоря, странно, что колонны в сторону не отпрыгнули, потому что стоявшие на лестнице служащие склонились так, что чудом не сломались пополам. Даже бурлящая толпа притихла, и время как будто замерло.

Миг — и меня ослепила вспышка. Такой силы, как если бы перед глазами взорвалось солнце и мир раскололся на части.

— Бомба! Это бомба!

Кто-то закричал, совсем рядом, потом этот крик подхватили другие, но когда я открыла глаза, увидела только ослепительное сияние, заливающее набережную, а еще льва. Золотого. В натуральную величину. Оскалившись, огромный сияющий зверь бил хвостом, а в самом сердце испуганной толпы, под раскрывшейся над ладонью мужчины магической схемой клубился дым несостоявшегося взрыва.

Толпа восторженно ахнула.

Мальчик вырвался из рук матери и бросился в обход меня к тому, кого назвал его светлостью.

— Никола!

Мой взгляд метнулся над его головой, и я увидела падающий наливающийся алым круг. Точнее, схему, магическую схему, наполненную невероятной силой.

— Эй! — крикнула я. — Там!

Мужчина повернулся ко мне, а я прыгнула за мальчиком, дернула его в сторону. Никола отлетел в руки бегущей к нему матери, а я — прямо в его светлость.

Шлеп!

Звуки исчезли, превратившись в глухой гул, словно я провалилась под воду. Алого стало больше, а потом в него ворвалось золото. Солнечная вспышка полыхнула совсем рядом, не то в полном ярости устремленном на меня

взгляде, не то отовсюду. Солнца вокруг стало слишком много, а потом оно рывкнуло мужским голосом:

— Vetary!

И меня спеленало по рукам и ногам.

К нам уже бежали полицейские, и на их лицах читался неприкрытый ужас. Как если бы это на них сейчас было совершено покушение, а не на того, кто, кстати, до этой поры довольно бесцеремонно держал меня за локоть. Я попыталась повернуть голову и не смогла.

— Арестуйте ее! — последовал короткий приказ, и вся толпа мужчин в форме устремилась... ко мне?!

Вы это сейчас серьезно?!

Мужчина наградил меня раздраженным взглядом и тряхнул рукой, словно собирался избавиться от мерзкого прикосновения — ко мне. Я попыталась открыть рот, но язык тоже меня не слушался.

Он что, набросил на меня схему затишья?

Вот же серан¹!

Пока я размышляла о том, что скажу (когда смогу) этому не одаренному интеллектом парнокопытному, меня уже затолкали в полицейский экипаж.

Раздался чей-то зычный окрик, и карета тронулась.

ГЛАВА 2

Райнхарт

— Где она?

В здание Тайной канцелярии я не просто вошел, а влетел. Гвардейцы, встречающие меня, вытянулись по струнке и, видимо, попытались цветом слиться со стеной, потому что кровь резко отхлынула от их лиц.

— Отвечайте, — поторопил я. — Где она?

— Кто, ваша светлость?

¹ Горное парнокопытное.

— Женщина, которая пыталась меня убить.

Рыжую привезли сюда отдельно, а мне пришлось немало задержаться.

— Не можем знать точно, ваша светлость, либо во временной камере, либо в допросной.

Последнее было бы идеально. Потому что все, чего мне хотелось, — узнать, на кого работает эта девица. Узнать, кто ее заказчик: я собирался вытрясти из нее его имя. Даже если придется трясти ее буквально.

Признаюсь, встряхнуть рыжую как следует хотелось. И себя заодно. С тех пор, как она в меня врезалась. Как прыгнула в объятия, обволакивая свежим запахом цветов, врываясь в реальность живым пламенем, вплавляясь телом в тело и поднимая на меня расширенные глаза. Светло-карие, как у львицы, из-за которых я потерял целую секунду, которая могла стоить мне жизни. И не только мне.

Только сработавшие рефлексy, вбитые в меня с самого детства, спасли тому мальчику жизнь. К счастью, я успел нейтрализовать заклинание, разрушив алую схему.

Алую!

Захоти эта девица подобраться ко мне через постель, я бы еще мог понять. Но использовать запретную магию через ребенка? Гадина!

Допросные показались в конце коридора, и я ускорил шаг, но тут на моем пути возник Себ.

— Третье покушение, Райн! — воскликнул седовласый герцог Марирский. — Третье покушение за месяц! А ты еще даже не стал королем!

Себастиан — первый королевский советник, а еще друг моего отца, поэтому я остановился и мрачно ответил:

— Ничего не поделаешь, я пользуюсь популярностью.

— Это не шутки!

— А я разве шучу, Себ? Отставка Гориана должна была держаться в секрете, так какого гьерда я не могу шагу сту-

пить, чтобы меня не пытались отравить, заколоть или разорвать на части?!

Либо отвлечь (а после приложить алой схемой) девицей с пышными прелестями.

От моего тона Себастиан пошел красными пятнами и кивнул мне на дверь в кабинет начальника Тайной канцелярии.

Вообще-то покушений было не три, а четыре. Сегодня — два одновременно. Учитывая, что с тех пор, как король стал сдавать, меня пытались убить уже несколько раз, я перестал верить в подобные совпадения. Сегодня кто-то явно старался отвлечь внимание маджера с помощью бомбы, а потом подобраться ко мне с помощью этой девицы. И ведь почти подобрался!

Этому кому-то очень не хочется, чтобы я взошел на престол.

— Информация о твоей коронации держится в секрете, — поджал губы первый советник.

— Поэтому о ней знает вся Барельвица?

— Гориан болен, это известно многим, а ты единственный, кто достоин занять его место.

— Не единственный.

Ответить Себастиан не успел: наш разговор прервало появление Рэстриджа, владельца кабинета. Тощего, с залезанными волосами и с почти прозрачными глазами типа.

— Ваша светлость, — он склонил голову, — мы все узнали про эри Алисию Армсвилл. Она сейчас находится в допросной комнате.

Алисия.

Я мысленно повторил ее имя, понимая, что оно идеально легло в образ.

— Покажите, — приказываю я.

Рэстридж кивает и чертит в воздухе лиловый узор, похожий на пустую раму для картины — заклинание видения. Как только добавлен последний завиток, простран-

ство внутри рамки вспыхивает и идет рябью, а после показывает рыжую, сидящую на стуле посреди комнаты.

Обычная практика Тайной канцелярии — оставить арестованного в одиночестве на несколько часов и заставить нервничать. Но по лицу эри Армсвилл было сложно сказать, нервничает она или нет. Она сидела, будто королева на троне во время дворцового праздника. В случае, когда этикет позволяет откинуться на спинку и расположиться поудобнее. При этом вид у нее был не испуганный, а скучающий.

Притворяется или действительно спокойна?

На чем же ее взяли? Ради чего она на это пошла?!

Я так сильно сжал кулаки, что хрустнули пальцы.

— Докладывай, — велю я Рэстриджу.

— Она родом из Гриза, что на юге. Работает в цветочной лавке, живет с матерью.

Значит, мотив уже есть — деньги.

— В Барельвице недавно. Приехала, чтобы предложить свою пьесу.

Пьесу? Так себе прикрытие для женщины.

— Разумеется, утверждает, что к покушению никакого отношения не имеет. Магический анализ показал, что магией эри не обладает.

— Совсем?

— Совсем. Мы протестировали ее через схему уровня магии. Он нулевой. Источника силы при себе не было, оружия тоже.

Нулевой? Для активации алой схемы нужна как минимум восьмерка, а то и девятка. Разумеется, я не думал, что она обладает уровнем силы выше второго-третьего, но запрещенные артефакты (в частности, Источник силы) способны временно увеличить уровень магии до предела.

Заканчивается это тем, что маг на несколько месяцев превращается в пустышку, а в худшем случае может и вовсе скатиться в близкие к нулю показатели, но не думаю, что для этой девицы магия имеет значение. Впрочем, все

это доказывает только то, что ее использовали для отвлечения внимания. А она прикрывалась ребенком!

Я провожу по рамке рукой, размывая ее контуры, а потом поворачиваюсь к Рэстриджу.

— Проводите меня в допросную, — пристально смотрю на него. — Я хочу лично с ней побеседовать.

Допросная напоминала коробку с серыми стенами, яркой, питаемой универсальной городской схемой, лампой под потолком и единственной дверью.

Рыжая тут же выпрямилась на стуле и встретила мой взгляд. На миг глаза ее широко распахнулись, а потом сузились. Девушка так ими сверкнула, словно это я на нее покушался.

Хорошая актриса? Вероятно, лучшая в своем деле.

Хотя в том, что она лучшая, я не сомневался. Сам видел.

Признаться, посмотреть было на что. Даже весьма скромная одежда и растрепанный вид не скрывали яркую красоту. Изысканные брови, высокие скулы и пухлые губы, густые локоны, будто живое пламя.

На волосах и лице девушки природа не остановилась и щедро наделила ее пышными формами, которые я сегодня имел удовольствие не только увидеть, но и почувствовать. Тот, кто отправил ее ко мне, явно долго изучал мои вкусы в отношении женщин, но не учел того, что смазливое лицо и соблазнительного декольте мало, чтобы я утратил бдительность.

Я сжал зубы, заложил руки за спину и приблизился, стараясь оставаться беспристрастным. Но как можно быть беспристрастным с женщиной, которая не побрезговала использовать ребенка?! От воспоминаний об этом внутри зашевелилось нечто злое и темное.

— Знаешь, кто я такой? — поинтересовался я, останавливаясь за ее спиной и положив ладони на спинку стула. Она напряглась — довольно-таки ощутимо, бешено бью-

щаяся на шее жилка и неестественно прямая спина говорили о том, что она нервничает.

Наконец-то.

— Мужчина, который приказал арестовать ни в чем не повинную девушку.

Что?!

Дерево под моими пальцами натужно заскрипело, поэтому я оттолкнулся от спинки стула и в пару шагов оказался с ней лицом к лицу. Она смотрела на меня с вызовом, но и не с таких спесь сбивали.

— Нет, Алисия. Я тот, кого ты пыталась убить. И тот, кто может сделать твою жизнь невыносимой. — Я говорил тихо, с трудом сдерживая клубящуюся внутри ярость. — На кого ты работаешь?

Теперь во взгляде Армсвилл на мгновение отразилась растерянность. Правда, она тут же улыбнулась, показав очаровательные ямочки на щеках.

— На эрину Раллберг, ей шестьдесят восемь, — сообщила она самым будничным тоном, сложив руки на груди. — У нее цветочная лавка в Гризе.

И я еще рассчитывал на благоразумие этой девицы?

Только небо знает, каким чудом я сдерживаюсь.

— Кто заплатит тебе за участие в покушении?

— Никто. — Она сверкнула глазами. — Это я так... исключительно на добровольных началах. В качестве благотворительности.

Издевается! Она еще смеет отпускать шуточки по поводу того, что случилось?!

Перед глазами вспыхнула алая схема и перепуганное лицо мальчишки, которого едва успела перехватить мать.

— Это можно считать чистосердечным признанием? — прищурился я. — Будет жаль, если тебя казнят. Впрочем, казнят тебя не сразу, для начала тебя будут допрашивать уже совершенно другими методами.

Вот теперь она побледнела искренне, глаза расширились.

— За что?! — Армсвилл резко подскочила. — Я просто спасала ребенка и врезалась в вас! Я понятия не имею, кто пытался вас убить! К моему величайшему сожалению, я с ним или с ней не знакома! Вы не имеете права...

Сколько чувств! Кажется, на этот раз действительно настоящих.

— Я имею право сделать с тобой все, что захочу. И можешь поверить, ты пожалеешь о том дне, когда согласились взять у заговорщиков деньги. Через несколько дней в Барельвицу доставят твою родительницу, которую тоже привлекут к допросам. Уверен, она расскажет много всего интересного.

Ее глаза вспыхнули, на миг даже показалось, что золотом, а потом она с криком бросилась на меня. Я перехватил тонкие запястья мгновенно, от резкого рывка ее снова швырнуло в меня. Так близко — лицом к лицу, ударив знакомым цветочным запахом и тонкой белизной кожи. Она замерла на миг, а после рванулась назад, яростно сверкнула глазами.

— Отпустите!

В дверь постучали, и я разжал руки, наградив ее предупреждающим взглядом. Она вызывающе вскинула подбородок, отвернулась и потерла запястье.

— Ваша светлость, — говорит Рэстридж, когда я выхожу из допросной, хлопнув дверью, — прошу прощения, что вмешиваюсь, но подтвердились кое-какие факты. Пьеса, о которой говорила эри Армсвилл, действительно существует. Один из моих людей изъясил ее у заместителя антрепренера в «Корона д'Артур».

Он вручает мне листы бумаги, исписанные тонким девичьим почерком. Красивым, к слову сказать.

— Эри Люмец, секретарь антрепренера, подтвердила, что за полчаса до покушения Армсвилл была у нее и оставила пьесу. Антрепренеры других театров тоже сообщили, что Армсвилл к ним приходила. Если это и подготов-

ка, я имею в виду, к покусению, то крайне основательная и... кхм, странная.

Странная?

Это я чувствую себя странно. Потому что под пальцами по-прежнему бешено бьется ниточка пульса, а мягкая кожа обжигает ладони даже через ткань. И этот цветочный запах... гьердов цветочный запах, а в руках сейчас — тяжесть исписанных листов. Я переворачиваю один, второй, третий и понимаю, что ни гьерда это не подготовка и не какой-то там план.

Это действительно пьеса, которую рыжая... эри Армсвилл написала и привезла в Барельвицу.

— Вы почерк сличили? — резко спрашиваю я.

— Что?

— Почерк. Она должна была подписать показания. И здесь. — Я показываю пьесу.

— Разумеется. — Рэстридж даже выше становится от негодования, как будто я его поймал на некомпетентности.

— Гьердово племя.

Ругательство срывается с губ раньше, чем я успеваю его поймать. Ну да и пусть.

Я резко разворачиваюсь и возвращаюсь в допросную: девчонка стоит у стены, обхватив себя руками. Меня слышит, но не оборачивается, только подбирается вся.

Я тяжело швыряю пьесу на стул и спрашиваю:

— Это вы написали?

ГЛАВА 3

Алисия

— Это вы написали?

Если до этого момента я не имела ни малейшего желания оборачиваться, то от глухого удара и шелеста бумаги обернулась мгновенно.

Пьеса!

Моя пьеса!

Я подлетела к стулу — стопка бумаги накренилась, грозя рассыпаться по полу, — и подхватила ее. Прижала к груди.

Готовая защищаться чем угодно, да хоть стулом, если мужчина попытается ее у меня забрать. К моему величайшему недоумению, он окинул меня тяжелым взглядом от макушки до кончиков туфель, после чего развернулся и вышел.

Просто, чтоб его схемой приложило как следует, вышел!

Правда, опомниться я не успела — едва за ним закрылась дверь, как появился невысокий человек в очках и сером костюме.

— Эри Армсвилл, вы свободны. Попрошу вас следовать за мной.

Что?!

Не в силах поверить своему счастью, я наконец-то покинула эту комнату, в которой провела несколько самых ужасных часов в своей жизни. Сначала, когда меня сюда привезли и освободили от магических пут, а после допрашивали, я пыталась все объяснить. Что я невиновна и просто хотела помочь мальчику, бросившемуся под схему. Потом, когда поняла, что верить мне не собираются... вот это, наверное, было самое страшное. Хотя нет, самое страшное случилось, когда появился этот высокопоставленный серан с маниакальной уверенностью в том, что я собиралась его убить.

Мы прошли по коридорам, предположительно в сторону выхода. В небольшой комнатке мне вернули вещи: сумочку, кошелек и документы, которые предложили проверить при свидетелях. То есть при моем сопровождающем и одновременно выдающем вещи, видимо.

— Распишитесь, пожалуйста, здесь, эри Армсвилл, — произнес тот, кто выдавал мои вещи. — Вот здесь — что

все получено в целостности и сохранности. И здесь — что не имеете к нам претензий.

Первую подпись я поставила. Подвинула листок к говорившему. Его равнодушный взгляд уперся в бумаги и споткнулся. Мужчина поднял голову и посмотрел на меня:

— Эри Армсвилл, нужно еще...

— Вообще-то у меня к вам множество претензий, — сказала я и сложила руки на груди.

Взгляд мужчины перестал быть равнодушным, глаза за толстыми стеклами очков сверкнули.

— Вы же понимаете, что это чистойшей воды формальность. — Он пододвинул листок ко мне по обшарпанному деревянному столу.

— Ну вот и оставьте свою формальность себе, — сказала я, отодвинув бланк обратно к нему. — А я, пожалуй, пойду!

— Мы не можем вас отпустить, пока вы не подпишете!

— В таком случае я останусь здесь. Прямо в этой комнате. Буду ждать, пока сможете, а потом, когда выйду, пойду напрямиком к журналистам и расскажу, как один высокопоставленный сноб сначала применил ко мне магию, потом угрожал пытками и допросом мне и моей матери, а после отправил вас ко мне и вы держали меня в этой комнате, чтобы я подписала отсутствие претензий!

У мужчины натурально отвисла челюсть. Честно говоря, я не представляла, кто он такой и какую должность занимает. К моему вопросу он не имел ни малейшего отношения, равно как и к словам, от которых у меня до сих пор слегка подрагивали пальцы, но он однозначно имел отношение ко всему, что здесь происходит!

— Так что? Могу я идти? — поинтересовалась я.

— Одну минуту, эри Армсвилл.

Мужчина выскользнул за дверь, в коридоре раздались голоса. Я даже прислушиваться не стала, склонившись над пьесой, которую... Пресветлый! Они же забрали ее из

«Корона д'Артур»! Забрали! После того, как эри Люмец взяла ее у меня и пообещала передать антрепренеру лично в руки!

До точки кипения я дойти не успела, потому что дверь распахнулась, едва не сорвавшись с петель. Разумеется, с таким эффектом явиться мог исключительно его светлость.

— Подписывайте, — резко произнес он, подвигая ко мне листок и чернильницу.

Я посмотрела ему в глаза — темные, как ночь, и сказала:

— Нет!

Крылья его носа дрогнули.

— Чего вы хотите? Денег?

В его взгляде прямо читалось все, что он обо мне думает. Впрочем, что там во взгляде — все в нем, начиная от мужских скул и резкой линии подбородка, от широких плеч, от кончиков начищенных ботинок до самой его макушки, не просто говорило, а свысока сообщало о том, что я для него всего лишь безродная девица, от которой легко откупиться деньгами.

— Мне было бы достаточно извинений, — сказала я. — Но поскольку признавать свои ошибки вы не приучены, можете засунуть их себе в свою наисветлейшую задницу!

Не дожидаясь ответа, я подхватила сумку, пьесу, пальто и вышла за дверь.

— Эри Армсвилл! — воскликнул было ожидающий за дверью мужчина, но потом только махнул рукой: — Выход — сразу за поворотом, направо.

Пропустили меня беспрепятственно, и я вылетела в сгущающиеся сумерки. Огляделась: здание, в котором я оказалась, было из тех, что вполне могло бы оказаться как банком, так и особняком не особо увлекающихся декором горожан. Среднестатистическое, безликое, даже без крыльца, на улице полно таких же домов.

Время! Сколько же сейчас времени?!

Должно быть, не меньше шести, а то и половина седьмого! Эри Люмец давно уже ушла. Подавив желание пнуть дверь, из которой я только что вышла, тряхнула головой.

Ничего! Отвезу пьесу завтра, девушка все равно сказала, что антрепренера сегодня не будет. Значит, ничего страшного не случилось — просто поеду туда прямо с утра. Глубоко вздохнув, снова огляделась.

Хорошо бы еще узнать, в каком районе я оказалась и сколько мне добираться до гостевого дома, где я остановилась. Точнее, за сколько...

Похоже, завтра я тоже без обеда, а заодно и без ужина. Или до театра доеду, а обратно дойти пешком?

Ладно, завтра наступит, завтра и решу. Да и вообще, может, и к лучшему, что все так получилось — возможно, удастся уговорить эри Люмец попросить антрепренера посмотреть пьесу пораньше. А если совсем повезет, то и получится переговорить с ним лично. Все-таки представлять свою пьесу совсем не то же самое, что просто оставить ее на рассмотрение.

Так, а теперь...

— Эри Армсвилл.

От раздавшегося за спиной голоса я подпрыгнула на месте.

— Пойдемте. — Его светлость шагнул на улицу. — Я вас отвезу.

Не дожидаясь моего ответа, он направляется к мобильезу. Да, теперь я его узнала — эту блестящую хромированную машину, по цвету напоминающую горький шоколад, щедро сдобренный зеркальной глазурью и украшенный золотым завитком эмблемы производителя, как торт лаконичным узором.

Гьерд, а есть все-таки хочется.

Но еще больше хочется никогда его больше не видеть, поэтому я направляюсь в противоположную сторону. Эта улица немногочисленная, она вообще какая-то серая и без-

ликакая, особенно в подступающих сумерках. Похоже, сейчас уже все семь, а то и половина восьмого.

Домой хочу!

— Эри Армсвилл! — доносится раздраженное сзади.

Его серанство меня догоняет.

— Да что с вами не так?!

— Со мной все так, — отвечаю, ускоряя шаг. — Просто не имею обыкновения садиться в мобилезы к незнакомым типам, которые угрожали мне пытками.

— Я не угрожал вам пытками!

— Правда? — Я останавливаюсь и разворачиваюсь: — А сейчас вы меня еще и преследуете! И прекратите пялиться на мое декольте.

Кажется, он лишается дара речи, потому какое-то время просто смотрит на меня. То ли пытается подобрать слова, то ли думает, как меня придушить, чтобы никто не увидел. Лично я бы поставила на второе, но я уже слишком устала, чтобы бояться. Вот там, в допросной, — да, меня здорово впечатлили его слова, особенно когда он заговорил о маме!

К слову, если быть честной, смотрел он чуть повыше декольте, то есть на мою шею. Но одно от другого недалеко ушло!

— Я. Не пялюсь в ваше декольте, — отдельно, по слогам, произносит он. — Садитесь в машину, эри Армсвилл, или...

— Или? — Я складываю руки на груди, поверх пьесы. И к счастью, потому что с каждой минутой мне все сильнее хочется его треснуть, а пьесу жалко. Не хватало еще трепать ее о всякие головы.

— Послушайте, чего вы добиваетесь?

— Я? С той самой минуты, как я вышла из этого здания, я добиваюсь того, чтобы вы от меня отвязались. Но до вас, кажется, туго доходит! А впрочем... мне не кажется.

Его светлость сверкает глазами так, что, по ощущениям, может взглядом материализовать воздушную схему.

Если бы это было возможно. Вся магия в принципе активируется схемами: чаще всего ее нужно чертить — на бумаге, на дереве, на земле, на камне, в общем, на любом материале — и только после этого активировать. Разные заклинания — разные схемы, а дальше все зависит от вложенной в нее силы мага.

Маги высшего уровня, например, способны создавать серебряные и золотые, и есть еще алые. Это такая мощь, которая по сути своей созидать не способна, только разрушать и уничтожать. Поэтому она и называется запретной. Поэтому все, что под ней создается, — преступление. Что же касается воздушных схем, сильные маги тоже способны их создавать, но не глазами, а начертанием силовых линий в воздухе. Правда, удержать такую схему стабильной гораздо сложнее, чем нарисованную.

Его светлость смотрит на меня, потом резко разворачивается и уходит.

Туда ему и дорога!

Я продолжаю свой путь приблизительно в сторону остановки (по крайней мере я надеюсь, что в сторону остановки, пока что мой маршрут гордо именуется «подалее от его светлости как можно скорее»), когда буквально перед поворотом дороге мне с рычанием перекрывает мобильез. Буквально перекрывает, чудом не зацепив подол моего платья. Его светлость распахивает дверцу:

— Садитесь!

— А не приказывать вы не пробовали?!

Судя по выражению его лица, зубы он сжал так, что сейчас от них останется зубной порошок. Я уже собираюсь его обойти, когда он цедит:

— Эри Армсвилл, я прошу прощения.

У меня урчит в животе. У меня так урчит в животе, что, по ощущениям, сейчас вот-вот перекроет урчание двигателя.

— Ненавижу вас, — сообщаю я, устраиваясь на сиденье. — Ладно, везите. Только быстро.

На меня посмотрели так, что мне захотелось стать маленькой и враси в сиденье. Но я не вросла. Наоборот — расправила плечи и так громыхнула дверцей, что у меня заложило уши. Со стороны его светлости что-то упало.

Кажется, второй раз за пять минут он напрочь лишился дара речи.

— Что? — поинтересовалась я под тяжелым, пристальным взглядом.

Такой не то что в мягкое кресло, в брусчатку закатает.

— Куда? — спрашивает его светлость с такими интонациями, что мне сразу становится понятно: «Каюк — это здесь, бежать — вон туда». Но мне бежать особо некуда, либо еда, либо проезд, поэтому я складываю руки на груди и сообщаю:

— Гостевой дом «Розовый куст».

— Что?!

— Гостевой дом «Розовый куст», — повторяю я. — Если у вас со слухом плохо, могу на листочке написать. Хотите?

Вместо ответа рычит мотор (а может, рычат они одновременно с его светлостью, просто мотор громче). Мобильез срывается с места и спустя некоторое время вылетает на набережную. Темнеет, уже зажглись магические фонари, их свет распыленными кляксами растекается над парашетом и отражается в темной прозрачной глади Ницары, самой большой материковой реки в мире. На нее и я смотрю — все-таки как безумно красиво! Перевернутая столица, подсвеченная огоньками, вытянутая на глянцевом холсте.

Жаль, я рисовать не умею, мое самое большое достижение — портрет матушки крупным планом, который я нарисовала в школе. Когда его увидела учительница, она обвела себя святым кругом, потому что решила, что я изобразила Претемного в парике. С тех пор у меня психологическая травма.

У учительницы, видимо, тоже.

— Где находится «Розовый куст»?

Я так увлеклась своими мыслями, что в реальность мобильеза его светлости выпала на полном ходу.

— Что?

— Ваш «Розовый куст». Где он находится? Я не обязан знать расположение каждой ночлежки в Барельвице.

Нет, все-таки от серана его светлость отличает одна существенная черта: даже серан не может быть настолько сераном!

— Не ночлежки, а гостевого дома, — поправила я. — Барген, шестьдесят восемь.

— Барген.

Последнее пробормотали себе под нос таким тоном, каким можно было бы поинтересоваться: что я вообще делаю, зачем и как меня сюда занесло? У-у-у, сноб проклятый! Улица Барген — это, конечно, не центр города, но вполне достойное место за те деньги, что я могу себе позволить.

Пока я размышляла на тему снобов, один из них коснулся пальцами схемы — совсем крохотной, рядом с рулем, и... ничего не произошло. Его светлость снова ткнул в крохотный круг, но круг на него не отреагировал. И правильно, я бы тоже не отреагировала, если бы в меня так бесцеремонно тыкали!

— Узор путеводителя поврежден, — пояснили мне. — Поэтому, не будете ли вы так любезны сообщить мне, где одностороннее движение в той части города?

— У меня все движение одностороннее. Я пешком хожу.

— Ах да. Как же я мог забыть.

— Да у вас вообще с памятью проблемы. И с причинно-следственными связями заодно!

Я отвернулась, рассудив, что и так достаточно времени потратила на общение с этим... с этим! Который мне пытками угрожал. И пьесу мою изъял. И вообще, если бы я знала, где там одностороннее движение, всенепременно

сказала бы! Потому что чем быстрее я избавлюсь от его общества, тем лучше!

К счастью, заговаривать со мной больше не пытались, а встали аккуратно перед поворотом, сразу за которым через два дома располагался «Розовый куст». Видимо, для того, чтобы не светиться рядом с «ночлежкой», а особенно рядом со мной. Я подхватила сумку и пьесу с колен, свободной рукой повернула ручку, и вылетела из мобилеза.

— Эри Армсвилл, вы ничего не забыли? — поинтересовались мне в спину, явно намекая на благодарность.

— Я? Нет. На всякий случай могу проверить сумку, если хотите, — мало ли, вдруг ваши коллеги решили оставить себе что-нибудь на память!

Ответа я дожидаться не стала, с гордо поднятой головой и широко расправленными плечами направляясь в сторону гостевого дома. Портье оторвался от чтения книги только для того, чтобы выдать мне ключ, самый обычный, с деревянным брелком и выбитым на нем номером комнаты. Я знала, что сейчас в богатых гостевых домах используют ключи с магическими схемами-близнецами. То есть на замок и на ключ наносится одна схема, и открыть замок можно только этим ключом, но где уж мне до богатых гостевых домов!

Вспомнился пренебрежительный взгляд его светлости, и желание треснуть его пьесой вспыхнуло с новой силой.

— Хорошая моя, — погладила верхний листочек. — Не бойся, завтра я тебя отвезу обратно эри Люмец. И никогда не буду бить тобой всяких... его светлостей!

Вошла в комнату и, только положив пьесу на стол, вспомнила, что забыла зайти в небольшую пекарню в конце улицы — за своим законным ужином, ради которого я каталась на мобилезе. Да что же такое-то, а!

Топнув ногой, развернулась и застыла.

В моей комнате, сверкая глазами, сидел золотой лев.

ГЛАВА 4

Райнхарт

Не день, а гьердов подарок!

Сначала бомба, потом алая схема. Потом рыжая девица, которая хамит как дышит. И как шоколадный лев на именинном торте — отказала схема навигации в мобилъезе, в результате я долго кружил по узким улицам захудалого райончика вместо того, чтобы сразу отправиться домой.

Кто вообще придумал назвать гостевой дом «Розовый куст»? У них хотя бы кто-нибудь останавливается с таким названием? Или только цветочницы-драматурги?

Я явно был не в себе, когда решил, что девица из какой-то глубинки, без капли магии и с ядовитым, как жала орийских пчел, языком хочет меня убить. Естественно, хладнокровно и расчетливо, а не после допроса. Жажда огреть меня чем-то тяжелым так и горела на хорошеньком личике Алисии Армсвилл, когда я велел ей подписать отказ от претензий.

А как она разозлилась из-за матери! Если бы кто-то угрожал мне моей семьей, я бы тоже хотел этого кого-то втоптать в брусчатку. Разница между мной и Алисией была в том, что я мог это сделать, а она нет. Но при этом нарывалась на урок... вежливости.

Она просто на него напрашивалась!

Но отсутствие хороших манер — не преступление. Эри Армсвилл просто оказалась не в то время не в том месте. Даже вопрос об авторстве был лишним. Хватило одного взгляда на то, как она прижимает свое творение к груди, чтобы понять, насколько ей дорога пьеса. Это стало последним штрихом к железным фактам, что сегодня я просчитался.

А еще ведь гордился тем, что разбираюсь в людях и могу с первого взгляда определить, какой передо мной человек! Но видимо, все эти нападения ударили по мне си-

льнее, чем я думал. Не помню, когда в последний раз терял над собой контроль и давал волю чувствам.

Это недостойно герцога.

Недостойно будущего монарха.

Я будто обезумел.

Все дело в том мальчике. Он напомнил мне совсем о другом ребенке. Мальчика с площади Рэстридж отыскал, с ним все в порядке, в отличие от...

Я сжал зубы и свернул на Королевский проспект. Желание оказаться дома и вычеркнуть этот день из памяти стало первостепенным. Забыть об очередном покушении и о том, что тот, кто его запланировал, до сих пор на свободе и владеет магией достаточно искусно, чтобы создавать запретные схемы.

Я хотел забыть обо всем, но об эри Армсвилл забыть не получалось.

Это было просто невозможно.

Смотреть на Алисию было сплошным удовольствием, но только когда она молчала и когда молчал я. Когда же мы заводили разговор, я начинал жалеть, что не приказал отвезти ее домой кому-нибудь из подчиненных Рэстриджа. Так было бы безопаснее: для нее и для моих нервов.

Природа явно позабавилась, наградив такую яркую и чувственную женщину серановским упрямством и мастерством доводить мужчин до львиного рычания! Наше знакомство закончилось не начавшись, и я до сих пор не мог определиться, что испытываю по этому поводу: облегчение или сожаление. В любом случае, завтра отправлю в «Розовый куст» розовый куст. В качестве извинений, как сказала рыжая. Цветочницы же любят цветы?

У нее даже пьеса называется «Бал цветов».

Значит, точно понравится.

На этой мысли я остановился возле кованых ворот, что вели на территорию моего городского особняка, и активировал схему ключа. Точнее, попытался активировать, но она даже не вспыхнула.

Что за гьердова напасть?

Сначала мобильез, теперь это. Я сделал пас, чтобы разобратся с этой штукой, но ворота уже начали расходиться в стороны.

Остановившись у крыльца, я взлетел по ступеням.

— Добро пожаловать домой, ваша светлость.

Дворецкий чинно шагнул ко мне, забирая пальто.

— Робсон, прикажи разобратся с воротами, схему заедает, а мне некогда этим заниматься. И пусть Кир посмотрит мобильез.

— Будет сделано, ваша светлость. Как прошел день?

— Вчера было лучше.

— У вас гости. Леви Элеонор ждет вас в малой гостиной.

Элеонор здесь?

— Давно?

— Два часа, ваша светлость.

— Хорошо.

Вернее, ничего хорошего.

Потому что если Элеонор здесь, значит, она в курсе покушения и наверняка успела себя накрутить. И правда, стоило зайти в гостиную, как замершая возле окна Эле преодолела расстояние между нами и бросилась мне на шею.

Она не плакала. Элеонор никогда не плакала даже маленькой, но лучше бы залила слезами и мою рубашку, и всю эту комнату. Потому что стерпеть то, как сестру трясет в моих объятиях, было сложно. Поэтому я прижал ее к груди, а потом осторожно отстранился и поинтересовался:

— Ну-ну, что на этот раз?

Серые, будто грозное небо, глаза сверкнули.

— Себ рассказал, что тебя снова пытались убить.

Я сдвинул брови.

— Тебе рассказал?